

DOI 10.15826/izv2.2016.18.2.025

А. А. Митрофанов

УДК 94(44)“1797/1798” + 929.733 Конде +
+ 930.25 РГАДА + 355.083*Институт всеобщей истории РАН*
Москва, Россия

ВОЛНЕНИЯ В ЭМИГРАНТСКОМ КОРПУСЕ КОНДЕ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ В 1798 г. (по материалам РГАДА)*

В 1797–1798 г. французский эмигрантский корпус принца Конде перешел на русскую военную службу и зимой 1798 г. был расквартирован на Волыни. Весной принц Конде начал вводить в своем корпусе русский военный устав и правила военной службы, провел реорганизацию воинских частей своего корпуса. В ответ на действия принца французские офицеры корпуса начали проявлять недовольство и протест, солдаты массово дезертировали. Одной из форм ненадлежащего протеста дворянства против новых порядков военной службы являлась личная переписка, которую отправляли по неофициальным каналам. Двое из младших офицеров корпуса, де Бомануар и де Клозе, были арестованы за «дерзкую» переписку с родственниками и друзьями в Австрии, Англии и германских землях. Вопрос о наказании аристократов-бунтовщиков решался лично императором Павлом I. Вначале оба француза были помилованы императором, но спустя некоторое время они были понижены в звании и сосланы в Тобольск.

В статье показано, что среди офицеров корпуса Конде в России были широко распространены протестные настроения, офицеры не были подготовлены к военной службе в России, критически оценивали российскую действительность, а также павловские военные порядки. В апреле-июне 1798 г. военные части корпуса принца Конде находились на грани неповиновения командующему.

К л ю ч е в ы е с л о в а: принц Конде; эмигранты; роялисты; дворянство; Павел I; Французская революция; Российская империя; цензура; Боннеман де Бомануар; Жак де Клозе.

История французского эмигрантского корпуса принца Конде хорошо изучена как в западной, так и в отечественной историографии [Бовыкин; Васильев; Щепкина; Bittard des Portes; Grille; Grouvel; Muret], поэтому в настоящей статье мы коснемся только одного важного аспекта, а именно недовольства и протестов в эмигрантском корпусе на русской службе в мае-июне 1798 г. Отметим, что данный эпизод традиционно оставался в стороне от внимания историков, его освещение стало возможным только благодаря анализу неизученного до настоящего времени корпуса писем, сохранившихся в деле Тайной экспедиции при Сенате Российской империи «Об офицерах корпуса принца Конде поручиках де Бомануаре и де Клозе, арестованных за злобную переписку и о негодовании в этом корпусе (1798 г.)» [РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3088, л. 1–39].

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 14-18-01116.

Принц Луи-Жозеф де Бурбон де Конде (1736–1818) [Les Français en Russie..., р. 101–103] одним из первых покинул Францию почти сразу после взятия Бастилии. Располагая огромным авторитетом, после эмиграции он сразу же оказался в роли одного из вождей контрреволюции (ил. 1). В июле 1790 г. он выступил с манифестом, где объявлял себя защитником дела всех монархов и всех дворян и приглашал последних сплотиться под его знаменами и предпринять все усилия к освобождению Людовика XVI [Вайнштейн, с. 19]. Из присоединившихся к его армии эмигрантов принц сформировал дворянские части, выполнявшие впоследствии роль ядра всего военного формирования. После отступления войск коалиции из Франции предводители эмигрантов, истратившие на содержание войск все свои средства, вынуждены были распустить «армию принцев» и корпус герцога Бурбонского. Но этой участи, благодаря помощи Екатерины II, удалось избежать армии принца Конде. В обмен на свою субсидию императрица предложила офицерам и солдатам принца основать французскую военную колонию на восточном побережье Азовского моря. Планам этим не суждено было воплотиться [Ростиславлев]. В январе 1793 г. уже Венский двор согласился принять армию Конде на службу, а в июне 1795 г. она перешла на содержание английского правительства, которое субсидировало его более щедро, чем австрийцы. Благодаря этому принц осуществил набор новых наемных частей, доведя численность «армии» к марту 1797 г. до 13 000 человек. Но в апреле 1797 г. были подписаны предварительные условия мира между Францией и Австрийской империей. Теперь, когда вслед за Пруссией и Австрия прекратила военные действия против Франции, Англии не имело смысла содержать армию эмигрантов за свой счет. Именно поэтому начались переговоры о переходе корпуса Конде на русскую службу [Diesbach, р. 397–398].

Окончательное решение о переходе на русскую службу корпуса Конде было принято Людовиком XVIII в середине сентября 1797 г. [Бовыкин, с. 83]. В октябре 1797 г. эмигрантский корпус принца Конде покинул германские квартиры и отправился к новому месту службы — на Волынь. К концу декабря, после долгого перехода через баварские и австрийские земли, корпус достиг реки Буг, переправившись через который, 1 января 1798 г. эмигрантами была принесена присяга на верность императору Павлу Петровичу.

Тем временем в Петербурге в торжественной обстановке невиданной роскоши был принят сам принц Конде [Васильев, с. 322]. Именно в это время император обсудил с ним все, что касалось военной организации корпуса, который должен был существовать в рядах русской армии на правах отдельной инспекции, в составе трех пехотных и двух кавалерийских полков. В конце декабря 1797 г. император вручил принцу знамена и штандарты для корпуса. В начале февраля 1798 г. в столицу прибыл и герцог Энгиенский, но вскоре радушный прием для Конде сменился весьма сухим обращением. До Петербурга дошли первые слухи о том, что «кондейцы» не слишком соблюдают дисциплину, занимаются браконьерством, допускают и стычки с местными жителями.

Многие дворяне из корпуса Конде в связи с перспективой перехода в Россию покинули его ряды: эмигранты в большинстве своем с осторожностью и недоверием относились к планам по отправлению в Россию. Состав корпуса заметно редел: дворянский полк пеших егерей, в марте 1797 г. насчитывавший 2 431 человека, отправился в Россию в составе 1 047 человек; 1-й дворянский кавалерийский полк уменьшился с 565 до 284 человек, а кавалерийский полк «рыцарей Короны» с 568 до 209 человек [Васильев, с. 320] (ил. 2).

Тем не менее, как показано в специальных исследованиях по истории корпуса [Бовыкин; Васильев; Diesbach; Vidalenc; Bittard des Portes], мемуаристика дает практически исчерпывающие сведения о русском «эпизоде» в его истории. Кроме того, как показал Д. Ю. Бовыкин на основе письма императора Павла I принцу Конде от 3 августа 1797 г., можно однозначно судить о планах петербургского кабинета относительно «кондейцев»: они приглашались для несения военной службы в России и для последующего участия в войне с революционной Францией. В этом вопросе российские ученые придерживаются единой точки зрения, в отличие от трудов некоторых французских коллег [Diesbach, p. 89], ошибочно полагающих, что в 1798 г. армии Конде было предложено, как и в 1793 г., основать колонии на берегах Черного моря.

Штаб корпуса Конде вскоре был расквартирован в городе Дубно, а воинские части разместились в городках, деревнях и местечках на довольно значительном удалении от главной квартиры. Общая численность корпуса к концу января 1798 г. составляла 4 320 человек, в числе которых насчитывалось 355 генералов и офицеров [Васильев, с. 321]. В дворянских частях корпуса Конде на штаб-офицерских и капитанских должностях находились, как правило, генералы королевского производства. Для этих военных формирований в целом был характерен избыток командных кадров [Там же, с. 323].

Поскольку корпус разместился по большей части в сельской местности, недостаток денег вынуждал многих французов селиться непосредственно в избах или же строить себе аналогичные жилища, где все было для них непривычно, к тому же почтовое сообщение между деревнями отсутствовало, а русская дисциплина накладывала строгое наказание за отлучки от места службы. Другой трудностью оставалась нехватка продовольствия, поскольку в период распутицы его было невозможно переправить на дальние расстояния. Дополнительной проблемой были антисанитарные условия, из-за которых летом 1798 г. в районе Дубно была зафиксирована вспышка эпидемии моровой язвы.

Реорганизацию войск корпуса принц Конде начал в апреле 1798 г., когда сам уже прибыл в Дубно. С середины апреля генерал Бутийе приступил к введению русского воинского устава в частях бывшей армии Конде. Речь шла о гарнизонной службе, экзерцициях, дисциплинарных порядках и даже о закаливании. В городах бывшие щеголи выходили едва ли не ежедневно на караулы. Полковники разъезжали по ротным квартирам и проводили смотры, которые начинались самым ранним утром. Войска начали переодеваться понемногу в жесткие русские мундиры, строгости в ношении формы вызывали долгие препирательства,

даже герцог Энгийенский получал от своего деда — принца Конде — замечания за невнимание к пуговицам и обшлагам. Положение дел осложнялось тем, что французский корпус отличался свободомыслием и полным отсутствием дисциплины [Щепкина, с. 62].

Введение российского военного устава и строгое соблюдение требований императора весьма тяготило «кондейцев» и привело к массовому дезертирству солдат, но за солдатские побеги наказание накладывалось на офицеров-дворян, что вызывало заметное недовольство среди аристократов.

Хорошо иллюстрирует настроения высшего офицерства корпуса письмо самого герцога Энгийенского — внука принца Конде, — написанное им герцогу де Бурбону летом 1798 г.: «Какую тягостную жизнь придется вести в России. Прежде всего, невозможно быть до такой степени раздраженным службой, что перестаешь нравиться самому себе. Все полностью противоречит нашим идеям, принципам, все в тягость: работа и никакого развлечения. На самом деле все здесь так отличается от обычаев и нравов нашей страны, что, даже желая чем-то нравиться государю и благодетелю, который нас кормит, невольно мы не нравимся ему по многим причинам. То же самое верно и в отношении местных жителей, и в отношении гражданских властей. Также я полагаю, что эту военную колонию невозможно рассматривать как постоянное и прочное учреждение» [Bittard des Portes, p. 336].

Переходя к вопросу о формах протеста в эмигрантском корпусе, отметим, что поведение отдельных офицеров уже по пути в Россию казалось вызывающим, так, Маркиз Марк-Мари де Бомбель отмечал особенности поведения офицеров и солдат армии Конде: «Среди нашей несчастной знати есть превосходные люди, исполненные чести, достоинства, великолепного поведения, но в частях “рыцарей Короны” и дворянских стрелков имеется несколько отвратительных персонажей... Полагают, что этот тип людей испытает в России неприятности и невзгоды, что в этой стране решат обращаться с ними жестоко и даже свирепо и, следует согласиться, что это мнение верно» [Vidalenc, p. 182] (ил. 3).

Сообщения о судьбе эмигрантского корпуса на протяжении 1798 г. появлялись в парижской прессе со ссылкой на корреспонденцию из Петербурга или с берегов Вислы. Так, в феврале 1798 г. читатели газеты «*Moniteur*» могли узнать, что император Павел «вручил корпусу Конде знамя с черным крестом и цветами лилии», а также о том, что «бывший принц Конде получает по 600 золотых ливров в месяц, бывшие герцоги Бурбонский и Энгийенский по 300 ливров» [Moniteur, № 157, 7 ventôse, an VI (1798 25 février)]. И если в статьях из Митавы, где размещился двор Людовика XVIII, можно было прочитать сообщение некоего офицера-француза, весьма довольного сытой и спокойной службой в России: «вдали от опасности и потрясений, которые изводили нас целых шесть лет» [Moniteur, № 203, 23 germinal, an VI (1798, 12 avril)], — то в заметках из Петербурга и других городов сообщалось обратное. Например, в конце апреля 1798 г. газета информировала о конфликтах между эмигрантами и местными жителями: «Россия, с берегов Вислы. 12 жерминаля (1 апреля 1798). Новости, что мы получаем из армии

Конде, сообщают, что между несколькими охотниками-дворянами и крестьянами происходят многочисленные стычки, завершающиеся кровавыми сценами. Еще неизвестно, каковы будут последствия этих стычек, но степень озлобления и враждебности с одной и другой стороны может послужить причиной большим бедам, если властями не будут приняты самые решительные меры. Император Павел собрал военный совет и, как говорят, из числа дворян шестеро признаны виновными. Конде немедленно отправился к своей армии, сразу после того, как получил это известие» [Moniteur, № 215, 5 floréal, an VI (1798, 24 avril)].

В мае того же года «Moniteur» поведал о глубоком возмущении русского двора прибывшими на службу французами, их «порочностью» и склонностью к скандалам: «Петербург, 16 жерминаля (5 апреля 1798). Поведение французских эмигрантов, а особенно эмигрантов из корпуса Конде, расквартированного гарнизоном на Волыни, вызывает негодование у русских. Они будоражат жизнь супругов и влюбленных внезапными вспышками ярости. Павел приказал направить категоричный приказ принцу Конде немедленно покинуть Петербург. За свою подверженность порокам и дебоши эмигранты были наказаны. Возмущившись, император приказал отправить немедленно всех этих лиц, кого в Тобольск, что в Сибири, кого на Камчатку и даже в Архангельск, на 67 градус широты» [Moniteur, № 236, 26 floréal, an VI (1798, 15 mai)].

В условиях отсутствия постоянной почтовой связи с расквартированными на Волыни «кондейцами», а также с подачи газет, в эмигрантской среде мгновенно расползались «новости» о происшествиях, якобы сотрясавших армию принца. Герцог де Бурбон из Лондона писал в мае 1798 г. принцу Конде следующее: «Много судачат о вещах огорчительных насчет армии, которые, как я надеюсь, являются большими преувеличениями. Постоянно говорят о том, что дворяне убили инструкторов, посланных императором, чтобы обучать их на прусский манер и пустивших в ход палки, что затем еще один священник и многие крестьяне также были убиты другими дворянами, которые охотились, что император, разъяренный этим событием сослал многих в Сибирь. У меня спрашивали сведений обо всем этом, но я отвечал, что не имею об этом никакого понятия, что ни вы, ни кто-либо из армии не рассказывал мне об этом в письмах. Я очень надеюсь, что все эти слухи окажутся ложными и распространяются только весьма злонамеренными людьми» [Créteineau-Joly, p. 234].

Газеты не переставали сообщать известия из далекой России, которые не всегда отличались достоверностью. И, наконец, в октябре 1798 г. «Moniteur» опубликовала слух о якобы трагической гибели самого принца Конде в момент, когда он лично пытался восстановить порядок в своем корпусе, и уточняла, «что в России запрещено говорить о смерти принца Конде под угрозой жестоких наказаний» [Moniteur, № 26, 26 vendémiaire, an VII (1798, 17 octobre)].

Поведение, слишком вольные мнения и оценки российской реальности, указов императора и военного устава спровоцировали внимательный надзор за перепиской французов, в связи с чем в обычной своей почте эмигранты могли рассказывать о своей службе и о России только положительное, тогда как

критические замечания оставляли для писем, отправлявшихся тайно, минуя официальную почту.

В Российском государственном архиве древних актов хранится немало дел, повествующих о неблагонадежном поведении французов, перешедших на русскую службу. Знаменательно, что в самом начале пребывания корпуса в России скандалы с политическим подтекстом удавалось замять. Так, одно из дел повествует о скандальном эпизоде со старшим сержантом кавалерии из легиона Роже де Дама Жаном-Конрадом Андре. Андре, расквартированный вместе с сослуживцами в Луцке, был обвинен двумя православными священниками в том, что он выказывал неуважение к императору Павлу, называя его по латыни «*Diabolus Imperator*» и к тому же вознося жесткие ругательства против православных священников, заявляя, опять же на латыни, что все русские священники — собаки («*Omnes sacerdotes — russici sobaki*»). Как повествует следственное дело, офицер Андре обвинял самого императора в том, что тот разместил французские части в таком краю, где нечего поесть и не с кем даже поговорить. В связи с инцидентом, офицеры легиона Дама создали собственный трибунал, чтобы рассудить его. В составе многочисленного трибунала были исключительно аристократы, в том числе граф Валь, генерал-комендант корпуса Конде и Шарль-Франсуа Луи — граф дю Отей в роли президента. Трибунал отверг все обвинения священников, подчеркнув также, что офицер в ходе процесса принес клятву верности и что он не говорит ни слова по латыни [РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3218; *Les Français en Russie...*, p. 17].

Тем не менее, самому большому скандалу в корпусе Конде суждено было разгореться именно вокруг личной корреспонденции «кондейцев», который в то же время обнажил существование в корпусе глубокой трещины между высшей аристократией, средним и мелким дворянством в корпусе.

Именно летом 1798 г. в корпусе Конде из-за дела двух поручиков Жака де Клозе (*Jacques de Closets*) и Боннемана де Бомануара (*Bonnemain de Beaumanoir*) начались волнения. В начале июня пакет французских писем, среди которых находились и письма двух вышеупомянутых офицеров, с оказией был отправлен в Галицию, чтобы далее отправиться австрийской почтой, но на таможне пакет был перехвачен и самые откровенные письма были переданы для ознакомления начальству.

За дело принялся генерал-майор, флигель-адъютант императора и его представитель при корпусе Конде князь Василий Николаевич Горчаков 3-й. В своем докладе императору он, между прочим, отмечал: «...узнал я, что корпусное негодование в пятом дворянском полку доводит до непозволительных изречений противу вводимого порядка службы, а иныя дошли и до того, что неблагодарно и открыто роптали на Грубе, будто наложенное им одеяние и отличие от офицеров шерстяным голуном, намереваясь спарывать оной...» [РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3088, л. 2]. И поскольку на таможне была перехвачена большая партия писем «до 30-ти одинаково наполненных неблагодарностью, противу правительства и совершенной злобой, также противу и принца»,

Горчаков принял меры, чтобы выявить и арестовать их авторов и прекратить распространение недовольства в частях, вверенных принцу Конде.

Де Бомануар и де Клозе были арестованы в самом начале июня. Вся рота Жака де Клозе составила коллективное прошение о его освобождении. Принц Конде, по русским правилам, вынужден был арестовать командира и старших офицеров роты за составление коллективной жалобы без требуемых формальностей. Как государственные преступники, де Бомануар и де Клозе были препровождены в Каменец-Подольскую крепость и также приговорены к ссылке в Сибирь; затем их перевезли в Петербург, куда давно уже были отправлены их письма. Там их ждала милость государя: вместо ссылки их перевели на службу в Сибирский драгунский полк, к эмигранту, графу де Виоменилю. Так, генерал-прокурор А. Б. Куракин сообщал генералу и военному подольскому губернатору И. В. Гудовичу в начале июля 1798 г., что при дворе ситуация с двумя поручиками из корпуса Конде была улажена благополучно: «Его Императорское Величество из всегдашняго своего милосердия соизволил их простить и высочайше повелел определить офицерами в Сибирский полк» [РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3088, л. 27].

Смягчение участи де Бомануара и де Клозе в июле 1798 г. немного успокоило негодование французских офицеров. Срок отпуска для оставшихся за границей чинов корпуса Конде продлили до 1 июля н. ст., но переезд в Россию уже был затруднен так, что явиться к месту службы могли немногие. В июле же многих остановил на границе полный запрет въезда в Россию, тогда как русские представители в германских землях отказывались под разными предлогами оформлять паспорта (ил. 4).

При внимательном прочтении писем де Бомануара и де Клозе центральным персонажем «дерзкой» переписки французских офицеров оказывается вовсе не российский император, но сам принц Конде, который покрыл себя бесчестьем, предав белое знамя с лилиями и согласившись на звание генерала русской армии. Вместе с тем, из-за «лживых обещаний» принца, многим офицерам корпуса также пришлось вновь стать солдатами [Там же, л. 16–17], что и вызвало протесты, поскольку речь шла не только о социальном статусе в рамках корпуса, но и о денежном довольствии и всех прочих вопросах армейского быта. Детальных свидетельств о формах этого коллективного протеста немного. По свидетельству де Бомануара скандальный оттенок имела и церемония вручения знамен в присутствии принца Конде, некоторые дворяне из полка пеших егерей без должного почтения относились к новым знаменам с российским двуглавым орлом и королевскими лилиями, не соблюдали новые требования воинского распорядка, например, пользовались личными повозками, чтобы добраться до своих квартир [Там же, л. 6]. И де Бомануар, и де Клозе подчеркивали в письмах к родным, что причиной недовольства в корпусе были неверные шаги командующего, так как принц Конде «преуспел в искусстве приводить в состояние недовольства всех подряд» [Там же, л. 23, 16].

Второй проблемой корпуса оказалось массовое дезертирство солдат. Принц Конде, будучи не в силах обуздать это явление, начал наказывать офицеров,

де Бомануар в одном из писем сообщает, что для этого по указанию принца был придуман метод жребия — виновным назначался самый невезучий офицер, что только подогревало фрондерские настроения в офицерской среде [РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3088, л. 22].

О том, что проблема дезертирства была чрезвычайно серьезной, свидетельствует и письмо шевалье де Бомануара матери — баронессе де Монтель — в Вену, в котором он отмечал: «Наши нижние офицеры весьма недовольны тем, что вновь вынуждены стать солдатами, а наши солдаты расстроены тем, что их разлучили с их прежними офицерами и что они подвержены новым трудностям русской службы, не имея надежды освободиться от нее, и оплачиваемые негодными ассигнациями, по которым можно потерять, по меньшей мере, треть при обмене, и прочими затруднениями, которые было бы очень долго вам расписывать в деталях, вынудили весьма большое число из них дезертировать. Те же, кто остался, остались только благодаря надежде отбыть отсюда вместе с нами в сентябре месяце или же, если нам в том откажут, то совершить этот переход вооруженным путем» [Там же, л. 23].

Третья неразрешимая для французов проблема была связана с выплатой жалованья. Оба француза в своих письмах подчеркивают, что поскольку выплаты осуществлялись ассигнациями, то при обмене бумажных денег на серебро терялась примерно третья часть их стоимости. Некоторые офицеры, как де Клозе, замечали, что задержка в выплате жалованья достигла двух месяцев с коварной целью «заставить нас подольше проедать те серебряные монеты, что у нас были, и которые мы могли бы сохранить, чтобы чувствовать себя уверенно, а во-вторых, заставить нас принять самую суровую дисциплину» [Там же, л. 16].

И, наконец, введение русского военного устава, неудобной формы на прусский манер, вахтпарадов и муштры также не обошлось без протестов: «...Каждые три дня в гвардейском корпусе, все прочее время вынуждены исполнять роль марионеток на плацу на забаву публике, старики, как и молодежь, вынуждены выучивать русские экзерциции и маневры, вот какова благодарность за ту священную жертву, что мы принесли за свою веру и своего короля» [Там же, л. 16 об.], отмечал в одном из писем Жак де Клозе.

Общая обстановка на Волыни ничуть не способствовала успокоению страстей, терзавших корпус Конде после перехода под русскую военную юрисдикцию. Крайне негативно офицеры и солдаты оценивали и размещение войск корпуса по квартирам в местечках и деревнях, стеснявших их передвижение по территории: «Мы здесь находимся абсолютно на положении рабов, — писал де Бомануар, — до такой степени, что мы не можем даже перемещаться из одной деревни в другую без позволения или паспорта и никакой командир не осмеливается взять на себя ответственность выдавать таковые из страха скомпрометировать лично себя. Я не удивлюсь, увидев нас [однажды] выставленными на продажу на одной из местных ярмарок, точно так же, как это делают с мужчинами, женщинами, девочками и их детьми, которые являются собственностью частных лиц, абсолютных хозяев сих несчастных рабов» [Там же, л. 21–21 об.]. В других

фрагментах переписки офицеры сообщали о возможности дальнейшего марша корпуса, что и вызвало массовое дезертирство солдат: «к тому же так много других раздражений и разочарований, поскольку наши нижние офицерские чины вновь вынужденным образом превратились в рядовых, не имея надежды покинуть эту страну и все время находясь в страхе, что вынуждены будут проделать путь вглубь России...» [РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3088, л. 21 об.]. Кроме того, над каждым французом, по мнению де Бомануара, нависала реальная опасность оказаться в Сибири, поскольку «все подряд говорят так в этих краях, что если совершишь провинность, то отправят в Сибирь» [Там же, л. 18 об.] (ил. 5).

Офицеры в переписке касались и неудобств при отправлении католического культа: «Вы полагаете, что мы здесь принадлежим к господствующей религии? Вовсе нет, мой дорогой, расстаньтесь с этим заблуждением!», утверждал де Бомануар в письме к аббату Мардюэлю. «Мы верно отправляем наш культ и делаем это публично, но с большим количеством предосторожностей и мы не можем даже повздыхать или посожалеть вместе с теми, кто еще вчера были католиками, и единственно самодержавная власть заставила их изменить веру; те, кто еще остаются (в прежней конфессии. — А. М.), дрожат всякий день, что грядет новый удар и он также погрузит их в ту же самую пучину» [Там же, л. 21–21 об.]. На следствии де Бомануар признался в том, что его сентенция о религиозной нетерпимости в России «полностью лжива» и это не более, чем плод его «беспримерного легкомыслия».

Отметим, что косвенно или прямо большинство из этих фактов подтверждаются и в докладе князя В. Н. Горчакова императору Павлу, а также в материалах допросов двух поручиков, которые состоялись 7 июня 1798 г. в Дубно. Следствие, исходя из материалов писем, интересовалось не только делами самих авторов, но также данными об их корреспондентах и прочими подробностями. Среди вопросов, заданных на следствии де Бомануару, прозвучал и такой: «Вы заявляете, что если и остались еще солдаты, то только из надежды уйти вместе с вами в сентябре и в готовности проложить себе путь с оружием в руках, если в этом будет отказано. Как и в чем вы могли заметить признаки этого?» [Там же, л. 18]. На что де Бомануар сослался целиком на то, что сам слышал от солдат слова о том, что они останутся на службе, если им позволят уйти в сентябре, но если им тогда же не позволят уйти, тогда они готовы и на вооруженный мятеж. Пожалуй, это был самый важный эпизод, на который обратило внимание следствие.

Дело о «дерзкой» переписке и волнениях в корпусе Конде пришлось на период, когда император Павел особенно пристально отслеживал все события, связанные с французами и Францией. Так, 17 июня 1798 г. последовали сразу два именных указа о немедленном возвращении учащихся в чужих краях российских подданных и об аресте французских товаров, находящихся на кораблях [ПСЗ, т. 25, с. 280]. Поводом к возвращению служило распространение опасных французских идей под видом пересылки обычной корреспонденции и учебных сочинений. Второй указ, правда, был связан не с французскими «развратными правилами и буйственным воспалением рассудка», а с тем, что «французы даже

и в портах держав, кои с ними не в войне, корабли с товарами, России принадлежащими, берут под арест». Такие поступки требовали ответных мер и император повелел то же самое делать с товарами французскими, на чьих бы кораблях они ни были доставлены и кому бы ни принадлежали, во всех российских портах.

Заметим, что указ императора от 17 мая о введении жесткой цензуры и запрета на ввоз западноевропейской прессы [ПСЗ, т. 25, с. 247] и ряд других схожих законодательных актов были изданы задолго до скандала с «дерзкой» перепиской, поэтому вряд ли проступок двух младших офицеров из корпуса Конде мог иметь столь большое значение для политики государя, стремившегося «к отражению всякого зла от пределов империи».

Волнения в корпусе, массовое дезертирство, наконец, открытый протест лично против принца привели к публикации Конде 16/27 июня 1798 г. приказа, в соответствии с которым офицерам и дворянам, не согласным с условиями службы в России, с ношением русского мундира, разрешалось просить отставки до сентября месяца — им гарантировалась быстрая выдача документов для выезда [Щепкина, с. 65]. Приказ принца достиг цели, поскольку он был рассчитан на гордость дворянства, которое таким образом приглашали ради верности общему делу, своему командующему и во избежание еще больших неприятностей примириться с уже избранным положением вещей. Даже те, кто протестовал против принца и введения русских военных правил и регламентов, не решились в этой ситуации просить об отставке. Между тем проблемы, ярко обозначившиеся во время скандального дела о переписке де Бомануара и де Клозе, устранены не были, свободомыслие французов и отвращение к новой форме скоро вызвало настоятельные требования удалять из частей инспекции принца Конде подозрительных лиц. Принц вынужден был сам отправлять в отставку и высылать за границу виновных в разных выходках. 9/20 июля 1798 г. выслали сразу 17 человек. Людям пожилым или офицерам безупречной службы сначала делали только внушения. Подчеркнем, что исключение из службы производилось без личного прошения и считалось самой тяжелой карой в этом дворянском корпусе, для которого честь и знамя были дороже всего на свете [Там же, с. 66]. Окончательно остудить «горячие головы» и разрешить ситуацию с протестами в своем корпусе принцу Конде удалось только к сентябрю. Все расквартированные в Дубно части к осени 1798 г. приняли все необходимые нововведения и русскую униформу (ил. 6).

Между тем, история двух незадачливых «фрондеров» де Бомануара и де Клозе вовсе не закончилась в июле 1798 г. Если следовать официальной версии, то суть обвинений, выдвинутых против арестованных французских офицеров, направленных из Каменец-Подольского замка в Санкт-Петербург, ограничивалась только ведением ими «дерзкой переписки» [РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3088, л. 10]. Вместе с тем, наказание, которое их ожидало, выглядело непропорционально суровым, принимая во внимание политические обстоятельства в канун подготовки похода русских войск в Италию. Из более позднего доклада князя А. Б. Куракина генерал-прокурору А. А. Беклешову от 25 мая 1801 г. выясняется,

что оба офицера были понижены в звании, а затем сосланы в Тобольск [РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3088, л. 29]. В этой связи также процитируем более поздний документ еще одного известного французского эмигранта — генерала от кавалерии на русской службе, графа Ш.-Ж.-Г. дю У де Виомениля (1734–1827) [Les Français en Russie..., р. 418], который, как следует из его ходатайства 1801 г. к князю А. Б. Куракину, в 1798 г. приложил немало усилий, чтобы помочь двум провинившимся соотечественникам как можно скорее покинуть пределы России с соблюдением всех формальностей. После императорского прощения де Бомануар и де Клозе были направлены служить в качестве «сулейтенантов» под начало де Виомениля в Сибирский драгунский полк, затем, по представлению своего генерала, они получили согласованные документы об увольнении со службы по состоянию здоровья, но этому помешал очередной каприз императора Павла, который приказал отправить их немедленно в Тобольск [РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3088, л. 30]. Виомениль признавал, что «хотя за ними и была вина, но, я полагаю, что она не настолько серьезна, чтобы ее нельзя было искупить за три года, проведенные в неволе в Сибири при содержании на шесть копеек в день» [Там же]. Из документов следственного дела известно, что прапорщики де Клозе и де Бомануар, находившиеся в Тобольске, были освобождены только после получения местным губернатором высочайшего указа императора Александра от 22 марта 1801 г. [Там же, л. 38; Les Français en Russie..., р. 93].

Оценивая в целом положение эмигрантов в России, обратимся к мнению Д. Ю. Бовыкина, который замечает, что «в конечном счете, французы, даже зная, что лучшего ожидать не приходилось, остались недовольны. Людовик XVIII ощущал себя пленником и тяготился тем, что вынужден согласовывать свои политические решения с петербургским двором, Конде полагал, что заслуживает большего, его офицеры были недовольны условиями жизни, перлюстрацией писем на родину и тяготами русской службы» [Бовыкин, с. 84]. Как видно из дела Тайной экспедиции, недовольство во французском воинстве в мае-июне 1798 г. приняло необычно широкий характер и явно перешло обычные рамки дозволенного в корпусе «фрондерства».

Подробное изучение писем офицеров не оставляет сомнений в том, против чего они были направлены. Во-первых, офицеры демонстрировали полное непонимание сложнейшей ситуации, в которой оказался и весь корпус, и принц Конде еще в 1797 г., оказавшись перед угрозой расформирования. Во-вторых, из писем следует, что круг общения офицеров в России был чрезвычайно ограничен (как по причине языкового барьера, так и в связи с расквартированием по отдаленным местечкам, и с доминированием польского дворянства в круге общения французов), что не способствовало какой-либо «ассимиляции» служащих корпуса. В-третьих, виновником всех бед в корпусе офицеры называли самого принца Конде [РГАДА, ф. 7, оп. 2, д. 3088, л. 11–11 об.], а вовсе не российского императора. Вместе с тем, сам генерал-майор В. Н. Горчаков преподносил волнения в корпусе в совершенно ином свете, акцентируя внимание на критике французами российских порядков, что в действительности имело



Ил. 1. «Луи Жозеф де Бурбон, принц де Конде. Принц крови, пэр и великий магистр Франции, генерал-полковник пехоты французской и иностранной». Гравюра Ф. Бартолоцци, изд. де Тотта. Лондон, 1802 г. Национальная библиотека Франции



Ил. 2. «Великая армия бывшего принца Конде: Месье Конде в своем будуаре в замке Вормса, устраивает своей огромной армии, присланной ему из Страсбурга дилижансом, большой смотр». Раскрашенный сатирический эстамп, Париж, 1791 г. Национальная библиотека Франции



Ил. 3. «Они вернутся!». Граф д'Артуа, брат короля, будущий Карл X, Месье — брат короля, будущий Людовик XVIII, Луи-Жозеф де Бурбон принц Конде. Автор неизвестен. Раскрашенный эстамп, Германия, 1791–1793 гг. Национальная библиотека Франции



Ил. 4. Портрет неизвестного в форме кавалерийского офицера армии принца Конде. Вторая половина 1790-х гг. Частная коллекция



Ил. 5. Знамя дворянского пехотного полка корпуса Конде на русской службе образца 1797 г. В центре российский двуглавый орел, по краям на белом поле золотые королевские лилии. Музей Конде, Шантийи, Франция



Ил. 6. Знамя Бурбонского гренадерского полка корпуса Конде на русской службе. Образца 1799–1800 гг. В центре знамени под двуглавым орлом надпись: «За взятие знамен у французов при Констанце в 1799 году». Изображения лилий отсутствуют. Музей Конде, Шантийи, Франция

второстепенное значение, поскольку отзывы о политическом устройстве России в письмах де Бомануара и де Клозе не отличались оригинальностью, напоминая заурядные газетные статьи того времени. Таким образом, вся история с «дерзкой перепиской» показывает, что протест офицеров носил в большей степени политический характер и был направлен против принца Конде, ради спасения корпуса и собственного политического статуса согласившегося на превращение французского воинства в части русской армии на правах отдельной инспекции. В центре внимания возмущенных офицеров находился вопрос о будущем корпуса Конде как ведущей военно-политической силы в контрреволюционном движении. Что касается протеста против российского военного распорядка и новой военной формы, то в этом отношении возмущение «кондейцев» было продиктовано исключительно здравым смыслом и мало чем отличалось от знаменитых протестов А. В. Суворова против павловских нововведений в армии на «пруссский» манер [Суворов, с. 126–127].

Таким образом, волнения в эмигрантском корпусе в России оказались принципиально новым явлением для контрреволюционной эмиграции, поскольку при наличии неразрешенного конфликта между офицерством и высшей аристократией протест принял всего-навсего характерную для Старого порядка форму малой «фронды», исход которой в сложившихся обстоятельствах зависел не от ее непосредственных инициаторов или от противостоявшего им принца Конде, а от настроения и взглядов российского императора.

Бовыкин Д. Ю. Эмигрантский корпус Конде на русской службе // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 7 / отв. ред. П. П. Черкасов. М. : Наука, 2006. С. 77–86.

Вайнштейн О. Л. Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой революции (1789–1796). Харьков : Гос. изд-во Украины, 1924.

Васильев А. А. Роялистский эмигрантский корпус принца Конде в Российской империи // Великая Французская революция и Россия / отв. ред. А. Л. Нарочницкий. М. : Прогресс, 1989. С. 314–329.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собр. первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб. : Тип. 2 Отд-ния Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 25 : 1798–1799.

РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 3088, 3218.

Ростиславлев Д. А. Французская контрреволюционная эмиграция и проекты колонизации юга России в конце XVIII века // Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 3 / отв. ред. П. П. Черкасов. М. : Наука, 2000. С. 62–79.

Суворов А. В. Наука побеждать. СПб. : Азбука, 2010.

Щепкина Е. Армия роялистов в России // Журнал Министерства народного просвещения. 1889. Ч. 241. С. 38–79.

Bittard des Portes R. Histoire de l'armée de Condé pendant la révolution française (1791–1801): d'après les archives de l'État, les mémoires de l'émigration et des documents inédits. P. : E. Dentu, éditeur, 1896.

Crétineau-Joly J. Histoire des trois derniers princes de la maison de Condé: prince de Condé, duc de Bourbon, duc d'Enghien, d'après les correspondances originales et inédites de ces princes. 2 vol. P. : Amyot, 1867.

Diesbach G. De. Histoire de l'émigration 1789–1814. P. : Edition Perrin, 1998.

Grille F.-J. L'Émigration angevine, les princes, l'armée de Condé. Angers : Cosnier et Lachèse, 1840.

Grouvel F. M. L. R. Corps de troupe de l'émigration française. L'Armée de Condé. 2 vol. P. : La Sabretache, 1961.

Les Français en Russie au siècle des Lumières: Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre Le Grand à Paul 1-er. 2 vol. / sous la dir. de A. Mézin & V. Rjéoutski. Ferney-Voltaire : Centre international d'étude du XVIII-e siècle, 2011.

Moniteur universel. № 157. 7 ventôse, an VI (1798, 25 février); № 203. 23 germinal, an VI (1798, 12 avril); № 215. 5 floréal, an VI (1798, 24 avril); № 236. 26 floréal, an VI (1798, 15 mai); № 26. 26 vendémiaire, an VII (1798, 17 octobre); № 36. 6 brumaire, an VIII (1799, 28 octobre).

Muret T. Histoire de l'armée de Condé. 2 vol. P. : Bureau de la Mode, 1844.

Vidalenc J. Les émigrés français 1789–1825. Caen : l'Université de Caen, 1963.

Статья поступила в редакцию 10.04.2016 г.

Митрофанов Андрей Александрович

кандидат исторических наук,
научный сотрудник лаборатории
«Мир в эпоху Французской революции
и Наполеоновских войн»
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский проспект, 32А
E-mail: thermidor1794@mail.ru

Mitrofanov, Andrei Aleksandrovich

PhD (History), researcher, laboratory
“The World during the Era of the French
Revolution and Napoleonic Wars”
Institute of World History,
Russian Academy of Sciences
32a, Leninsky Ave., 119334 Moscow, Russia
E-mail: thermidor1794@mail.ru

**UNREST IN THE FRENCH ÉMIGRÉ ARMY OF CONDÉ
IN THE RUSSIAN MILITARY SERVICE IN 1798
(With Reference to Documents of the Russian State Archive of Ancient Acts)**

Between 1797 and 1798, the Prince of Condé's French Military Corps entered the Russian army and was quartered on the territory of Volyn Region (Ukraine) in the winter of 1798. Later that spring the Prince began to introduce Russian military statutes and rules of military service in his Corps, and reorganized its military units. In response to the Prince's actions, the French officers of the Corps started expressing discontent and protest, and the soldiers deserted on a massive scale.

One of the forms of non-violent protest of the nobility against the new order of military service was personal correspondence that was sent through unofficial channels. Two of the Corps' junior officers, de Beaumanoir and de Closets, were arrested for their daring correspondence with their relatives and friends in Austria, England and the German states. It was Emperor Paul I that personally decided upon the punishment of the rebellious aristocrats. Initially, both the Frenchmen were pardoned by the Emperor, but after some time they were demoted and exiled to Tobolsk.

The article demonstrates that unrest and protest were very common in the Corps of Condé in Russia, as the officers were not prepared for the military service in the country, and were critical of the Russian reality and the military orders under Emperor Paul I. Between April and June, 1798, the military units of the Corps of Prince Condé were on the verge of open disobedience to his commands.

Keywords: Prince of Condé; emigrants; royalists; nobility; Paul I; French Revolution; Russian Empire; censorship; Bonnemain de Beaumanoir; Jacques des Closets.

Acknowledgements

The article is supported by the *Russian Science Foundation*, project 14-18-01116.

Bittard des Portes, R. (1896). *Histoire de l'armée de Condé pendant la révolution française (1791–1801): d'après les archives de l'État, les mémoires de l'émigration et des documents inédits* [The History of Condé's Army during the French Revolution (1791–1801): From State Archives, Memoirs of Emigration and Unpublished Documents]. Paris: E.Dentu, éditeur. (In French)

Bovykin, D. Yu. (2006). Emigrantskii korpus Konde na russkoi sluzhbe [The Émigré Corps of Condé in the Russian Military Service]. In P. P. Cherkassov (Ed.), *Rossia i Frantsiia XVIII–XX veka* [Russia and France in 18th–20th Centuries] (Vol. 7, pp. 77–86). Moscow: Nauka. (In Russian)

Créteineau-Joly, J. (1867). *Histoire des trois derniers princes de la maison de Condé: prince de Condé, duc de Bourbon, duc d'Enghien, d'après les correspondances originales et inédites de ces princes* [The History of the Last Three Princes of the House of Condé: Prince of Condé, Duke of Bourbon, Duc d'Enghien, according to the Original and Unpublished Correspondence of the Princes] (Vol. 1–2). Paris: Amyot. (In French)

Diesbach, G. De. (1998). *Histoire de l'émigration 1789–1814* [The History of Emigration 1789–1814]. Paris: Edition Perrin. (In French)

Grille, F.-J. (1840). *L'Émigration angevine, les princes, l'armée de Condé*. [Emigration from the Region of Anjou, Princes, the Army of Condé]. Angers: Cosnier et Lachèse. (In French)

Grouvel, F. M. L. R. (1961). *Corps de troupe de l'émigration française. L'Armée de Condé* [Military Units of French Emigration. The Army of Condé] (Vols. 1–2). Paris: La Sabretache. (In French)

Mézin, A., & Rjéoutski, V. (Eds.) (2011). *Les Français en Russie au siècle des Lumières: Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre Le Grand à Paul 1-er* [The French in Russia during the Enlightenment: A Dictionary of the French, the Swiss, Walloons, and Other French-Speaking Nationals in Russia from Peter the Great to Paul I]. Ferney-Voltaire: Centre international d'étude du XVIII-e siècle.

Moniteur universel (1798, 25 février), 157, 7 ventôse, an VI. (In French)

Moniteur universel (1798, 12 avril), 203, 23 germinal, an VI. (In French)

Moniteur universel (1798, 24 avril), 215, 5 floréal, an VI. (In French)

Moniteur universel (1798, 15 mai), 236, 26 floréal, an VI. (In French)

Moniteur universel (1798, 17 octobre), 26, 26 vendémiaire, an VII. (In French)

Moniteur universel (1799, 28 octobre), 36, 6 brumaire, an VIII. (In French)

Muret, T. (1844). *Histoire de l'armée de Condé* [The History of the Army of Condé] (Vols. 1–2). Paris: Bureau de la Mode (In French).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii, poveleniem Gosudaria Imperatora Nikolaiia Pavlovicha sostavlennoe. Sobr. pervoe. S 1649 po 12 dekabria 1825 goda [A Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Compiled by Order of the Sovereign Emperor Nicholas Pavlovich. Collection One. From 1649 to 12 December, 1825] (Vol. 25). (1830). Saint Petersburg: Tip. 2 Otdeleniia Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kanceljarii. (In Russian)

Rostislavlev, D. A. (2000). Frantsuzskaia kontrrevoliutsionnaia emigratsiia i proekty kolonizatsii iuga Rossii v kontse XVIII veka [The French Counter-Revolutionary Emigration and Colonization Projects in the South of Russia in the Late 18th Century]. In P. P. Cherkassov (Ed.), *Rossia i Frantsiia XVIII–XX veka* [Russia and France in 18th–20th Centuries] (Vol. 3, pp. 62–79). Moscow: Nauka.

Shchepkina, E. (1889). Armia roialistov v Rossii [The Army of Royalists in Russia]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, CCXLI, 38–79. (In Russian)

Suvorov, A. V. (2010). *Nauka pobezhdat'* [The Science of Victory]. Saint Petersburg: Azbuka. (In Russian)

Vainshtein, O. L. (1924). *Ocherki po istorii frantsuzskoi emigratsii v epokhu Velikoi revoliutsii* (1789–1796) [Essays on the History of French Emigration in the Era of the Great Revolution (1789–1796)]. Khar'kov: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Ukrainy. (In Russian)

Vasil'ev, A. A. (1989). Roialistskii emigrantskii korpus printsa Konde v Rossiiskoi imperii [The Corps of Royalist Emigrants Commanded by Prince Condé in the Russian Empire]. In A. L. Narochnizkij (Ed.), *Velikaia Frantsuzskaia revoliutsiia i Rossiia* [The Great French Revolution and Russia] (pp. 314–329). Moscow: Progress. (In Russian)

Vidalenc, J. (1963). *Les émigrés français 1789–1825* [French Emigrants 1789–1825]. Caen: l'Université de Caen. (In French)

Received 10 April 2016